

Ирина Голыбина

Арлекины
и радуги

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г62

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Оформление серии *Натальи Каштыкиной*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Ekaterina Pokrovsky, canadastock, rawf8 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Голыбина, Ирина Дмитриевна.

Г62 Арлекины и радуги : [роман] / Ирина Голыбина. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198713-8

Престижная работа, заботливый муж и чудесный дом в Австрии — жизнь Веры была похожа на сказку, но однажды все изменилось.

Переживая непростой развод, девушка отправляется по работе в родной город, где случайно встречает талантливоего режиссера Костю. Разговоры об искусстве, прогулки по знакомым улочкам и совместная поездка в Вену — похоже, жизнь дает второй шанс обрести счастье. Вот только отчего-то Вера совсем не спешит принимать этот подарок...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Голыбина И., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198713-8

Все события и персонажи в книге вымышлены, а совпадения случайны — даже если порой кажется, что это не так.

Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

О. Мандельштам

Глава 1

— Вы бронировали? — Хостес подняла на Веру тщательно накрашенные глаза, постучала длинным ногтем по экрану планшета, сверяясь с записью.

— Извините, нет.

Ресторан Вера выбрала случайно: завернула по привычке в тот, где сидело больше народа, рассчитывая, что он окажется приличным. Тоже по привычке, еще детской, сравнила девушку с собой: она, Вера, заметно тоньше и выше ростом, даже без каблуков. Одета, конечно, попроще — в джинсы и футболку с длинными рукавами, на ногах кеды, через руку переброшен плащ. Волосы с каштановым переливом собраны в небрежный хвост, смугловатое лицо без макияжа — только серые глаза блестят. По местным меркам вид чересчур скромный для пятничного выхода в свет. Хостес, очевидно, подумала так же и бросила односложно:

— Столиков нет.

Глянула на Веру исподлобья — кажется, даже с неодобрением, — и сквозь зубы спросила:

— Будете ждать?

— А долго? — Спешить Вере было некуда, а возле ресторана стоял диван-качели, предназначен-

ный, видимо, для курильщиков и таких вот ожидающих.

Хостес вздохнула, окинула взглядом зал.

— Минут двадцать.

Вера заколебалась: может, стоит все-таки поискать что-нибудь еще? Ресторанов на набережной немало, в другом могут быть места. С другой стороны, не зря тут все забронировано, должны кормить хорошо. И обстановка приятная, плюс за заборчиком большая терраса, заставленная цветами в горшках.

— Я подожду, — сказала Вера, разворачиваясь, чтобы выйти на улицу, к дивану.

Хостес в ответ только пожала плечами.

Вера примостилась на краешек подушки, оттолкнулась пятками, качнулась туда-сюда. Наклонилась понюхать травку в кадке, стоявшей рядом, — похожа на тимьян. Это действительно оказался он, и Вера потихоньку отщипнула пару листков, растерла в пальцах, вдохнула свежий аромат. Кое-где на тимьяне поблескивали мелкие цветочки, тянулись к свету новые побеги.

Весна была в разгаре — самый конец апреля. Первые грозы в этом году налетели раньше, вымыли город — не столицу, но почти миллионник, с университетом, парком культуры, драматическим и оперным театрами, — до праздничного блеска. Дожди слизали последний снег, на клумбах в центре вспыхнули тюльпаны, парк подернулся нежной салатовой дымкой. Горожане, истосковавшиеся по солнышку и теплу, высыпали на набережную, обустроенную пару лет назад вдоль древнего кремля,

тоже отреставрированного для привлечения «внутренних туристов».

Мимо Веры проходили довольные собой мамыши с детскими колясками, влюбленные парочки, шумные компании, пролетали подростки на скейтбордах и самокатах. Хотя уже перевалило за восемь вечера, закатное солнце висело в небе, заливая его всеми оттенками розового и сиреневого; ветер плавно подталкивал редкие облачка навстречу первым звездам.

Вера качнулась еще раз, запрокинула голову, любуясь шелковым переливчатым небом, отмахнулась от надоевшей тревоги — ничего уже не поправишь, пусть будет как будет. Автоматическим жестом покрутила на безымянном пальце кольцо, потом сняла и поднесла к глазам. Кольцо было дорогое: крупный бриллиант на толстом золотом обруче с матовой поверхностью, на которой кое-где остались мелкие царапины. Именно мелкие. Незначительные. И нечего про них вспоминать.

Вера открыла сумку, на ощупь отыскала отделение на молнии и сунула кольцо туда. Застегнула, потом посмотрела на свою руку, теперь совсем без украшений. Рука казалась легкой и немного чужой. Наверное, понадобится время, чтобы привыкнуть.

— Добрый вечер, — раздался рядом голос.

Вера вздрогнула, поглядела на мужчину, остановившегося перед ней. На секунду у нее перехватило дыхание, сердце пропустило удар, а потом заторопилось, поскакало в стремительном галопе. Пришлось опустить голову, чтобы скрыть широко распахнувшиеся глаза и внезапно побледневшие щеки.

— Позвольте, я присяду? — спросил тот, несколько не смущенный ее молчанием. Вера кивнула, и он осторожно опустился на соседнюю подушку.

— Как дела? — неожиданно услышала она собственный голос. Мужчина глянул в ее сторону — без удивления, скорее, с любопытством.

— Да так себе, — последовал ответ. — А у вас?

— Наверное, тоже, — сказала Вера нерешительно. — Я еще сама не поняла.

Глаза у мужчины были темными настолько, что зрачок почти не выделялся на фоне радужки, выпуклыми и влажными. Красивым Вера его бы не назвала: губы тонкие, нос великоват, брови слишком широкие, щетина на лице отросла неровными клочками, как будто лень было побриться. Волосы он, похоже, тоже не расчесал, а просто растрепал рукой и пригладил на одну сторону как попало. Тем не менее легкое пальто выглядело дорогим, рубашку Вера тоже узнала — ее муж носил такие, да и часы на запястье знаменитой швейцарской марки говорили сами за себя.

— Константин. — Мужчина протянул ей руку.

Вера вскинула на него глаза и непроизвольно улыбнулась. Помедлила секунду и подала свою.

— Вера.

Он аккуратно пожал ее пальцы, но руку выпустил не сразу, так что пришлось самой ее отнять. Похоже, он был немного пьян: до Веры долетел даже не запах, а так, призрачный намек — то ли коньяк, то ли виски.

— И что же дорогая Вера, у вас не так? — спросил мужчина с усмешкой. — И почему вы тут сидите

одна, посреди, так сказать, весны? Между прочим, я вас раньше не видел. Вы не местная?

— А вы всех местных знаете? — поинтересовалась Вера.

— Конечно.

Она рассмеялась, и он, не обидевшись, улыбнулся в ответ:

— Ну почти. Я же здесь и родился... и сгодился — как там принято говорить? Так откуда вы, небесное создание?

Никто никогда ее так не называл, и сама Вера себя не считала небесной — наоборот, приземленной донельзя. Она испытующе взгляделась мужчине в лицо, потом медленно произнесла: «Из Вены», — продолжая за ним наблюдать. Но нет, ничего в нем не дрогнуло; ее собеседник лишь пожал плечами и воскликнул жизнерадостно:

— Вертявой, в дирижерских фрачках? Как там дальше?

— В дунайских фейерверках, скачках, — подсказала Вера.

Он заключил мелодраматическим тоном:

— И вальс из гроба в колыбель переливающей, как хмель! Любите поэзию? Или только Мандельштама?

— Не особенно, — протянула Вера. — Просто его все цитируют, как про Вену слышат.

— Любопытно, любопытно, — закивал Константин. — И как же вы там оказались? Я имею в виду — в Вене. Вы же русская, судя по всему?

— Русская. Но живу в Австрии.

— Давно?

— Пять лет. — Ей даже не пришлось считать; ответ вылетел сам собой, столько раз за последние дни она его повторяла.

Он присвистнул:

— Немало. Вам вообще сколько? — Мужчина откинул Веру бесцеремонным взглядом.

— Обязательно отвечать? — хмыкнула она.

— А что вам скрывать-то? Двадцать три? Двадцать пять? Точно не больше.

— Двадцать семь.

— Вот именно, всего двадцать семь. Мне, например, почти тридцать. Первые тридцать лет самые тяжелые в детстве мальчика.

— Смешно, — сказала Вера, отвернувшись и снова отщипнув листок от тимьяна в горшке.

Солнце наконец-то село, и на набережной зажглись фонари. Они были современные, диодные, и испускали яркий белый свет, на фоне которого вечер сразу стал синей и пронзительнее. Вера подумала, что двадцать минут, скорее всего, давно уже прошли, но никто не собирался звать ее внутрь. Хостес за стеклом расхаживала туда-сюда по залу, кого-то провожала к выходу, кого-то — за столы. Еще несколько человек топталось у двери: то ли тоже ждали очереди, то ли вышли покурить.

— Наверное, придется пойти еще куда-нибудь, — заметила Вера. — Тут мест нет, все забронировано.

— Серьезно? — Мужчина напустил на себя изумленный вид.

— Простите, — хостес вдруг высунулась наружу, наклонилась к их дивану. Она явно обращалась не к Вере, а к мужчине:

— Вы господин Садовничий? Константин?

Тот вроде бы встрепенулся, потом, наоборот, вжал голову в плечи, ответив коротко «да».

— Ваш столик готов, — отрезала хостес, — можете проходить.

— Со мной гостя. — Мужчина указал на Веру.

— Пожалуйста, идите за мной, — сказала девушка, поджав губы.

Мимо небольшой толпы перед входом они прошли в зал, откуда доносилась музыка, разговоры, звон бокалов. Столик оказался у окна, с видом на набережную, что Веру несказанно обрадовало. Куда приятнее смотреть на нарядных пешеходов, фонари и ажурный мостик над водой, чем на суетливых официантов в одинаковых коричневых фартуках с кожаными лямками.

— Что-нибудь из напитков сразу принести? — спросил один из них Вериного спутника, и тот обернулся к ней:

— Что?

— А вы что будете? — спросила Вера, скорее из любезности, потому что планировала ограничиться коктейлем или бокалом вина.

— Раз мне повезло не остаться сегодня одному, то точно игристое, — провозгласил мужчина, — для начала. А там посмотрим. Вы согласны?

Похоже, согласие ему не требовалось, потому что он уже указывал пальцем на ряд бутылок над барной стойкой.

— Из брюта что-нибудь приличное у вас есть?

Официант назвал несколько — итальянских, французских, даже российское, — и Константин выбрал, похлопал его по плечу и отправил «подсуетиться». Вера поискала, куда повестить плащ; Константин галантно взял его у нее из рук и вместе со своим пальто зацепил за крючок в проеме между окон. Отодвинул для Веры стул, потом сел сам и кивнул на меню:

— Закусывать чем любите?

Барские интонации спутника начинали Веру немного злить. Она холодно пожала плечами:

— Мне просто поужинать. Устала, сейчас поем и пойду спать.

Он искоса взглянул на нее, наклонился через стол и прошептал на ухо:

— Я приставать не буду! Честное слово!

Потом откинулся на спинку стула и уже нормальным голосом продолжил:

— Так что давайте просто посидим и поговорим. Разопьем бутылочку-другую. Как друзья.

Конечно, ни единому его слову она не поверила, но сопротивляться было неохота. В конце концов, никто ее не держит — всегда можно встать и уйти. Вера заглянула в меню:

— Сыр и оливки.

— Великолепно! — воскликнул Константин с энтузиазмом. — Официант!

Тот уже спешил к ним с ведерком, полным льда, бутылкой и двумя узкими бокалами-флейтами. Пока он расставлял все это на столе, откупоривал пробку и разливал шампанское, Константин распорядился:

— Сыры, оливочки нам, фрукты. Горячее выберем позже.

Он захлопнул меню и подмигнул Вере:

— За что будем пить?

Она подняла бокал, посмотрела на бегущие вверх пузырьки, помолчала, ожидая, что собеседник продолжит. Он не подвел: осторожно чокнулся с ней, заговорщицки поднял брови и произнес вполголоса:

— За неудачи, ведущие к удивительным встречам!

Вера помотала головой:

— За неудачи я пить не буду. К чему бы там они ни вели.

— Тогда просто за встречи. Удивительные и неповторимые!

Не дожидаясь ее одобрения, Константин опрокинул бокал, выпил вино, как водку, до дна, и, крикнув, забросил в рот оливку с блюбочка, своевременно подставленного официантом. Вера тоже выпила, повертела головой, оглядывая соседей. На столах горели свечи в подсвечниках-лотосах, их огоньки многократно отражались в стекле, зеленых бутылках, блестящих женских глазах. Кого-то поздравляли с днем рождения; именинница хохотала, расцеловывалась с гостями. Рядом кучей были навалены коробки в подарочной бумаге, перевязанные бантами, на стуле сидел игрушечный медведь в человеческий рост, в напольных вазах стояли букеты.

У дальнего окна, в потаенном уголке, полускрытом тяжелой бархатной портьерой, перешептывались красавица-блондинка и импозантный мужчина